

стихотворцам нужен слушатель, как Ивану Кузьмичу графинчик водки перед обедом. А кто эта Маша, перед которой изъясняешься в нежной страсти и в любовной напасти? Уж не Марья ль Ивановна?»

— Не твое дело, — отвечал я нахмурясь, — кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнения, ни твоих догадок.

«Ого! Самолюбивый стихотворец и скромный любовник!» — продолжал Швабрин, час от часу более раздражая меня; — «но послушай дружеского совета: коли ты хочешь успеть, то советую действовать не песенками.»

— Что это, сударь, значит? Изволь объяснить.

«С охотою. Это значит, что ежели хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серег.»

Кровь моя закипела. — А почему ты о ней такого мнения? — спросил я, с трудом удерживая свое негодование.

«А потому», — отвечал он с адской усмешкою, — «что знаю по опыту ее нрав и обычай.»

— Ты лжешь, мерзавец! — вскричал я в бешенстве, — ты лжешь самым бесстыдным образом.

Швабрин переменился в лице. «Это тебе так не пройдет», — сказал он, стиснув мне руку. «Вы мне дадите сатисфакцию.»

— Изволь; когда хочешь! — отвечал я обрадовавшись. В эту минуту я готов был растерзать его.

Я тотчас отправился к Ивану Игнатьичу и застал его с иголкою в руках: по препоручению комендантши, он нанизывал грибы для сушенья на зиму.

«А, Петр Андреич!» — сказал он, увидя меня; — «добро пожаловать! Как это вас бог принес? по какому делу, смею спросить?» Я в коротких словах объяснил ему, что поссорился с Алексеем Ивановичем, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моим секун-